

И. В. ГОЛОЛОБОВ

ЭРНЕСТО ЛАКЛАУ И ЕГО «СУБЪЕКТ ПОЛИТИКИ»

Эрнесто Лаклау¹ является, наверное, одним из самых ярких представителей современной левой социальной мысли. Именно с его книги «Гегемония и социалистическая стратегия»², написанной в соавторстве с Шанталь Муфф, опубликованной в 1985 г., началось переосмысление марксизма, дискредитированного весьма нелицеприятными событиями, произошедшими в странах социализма в послевоенное время. На сегодняшний день вышли еще две книги собственно Лаклау³, одна – в соавторстве с его постоянными коллегами-оппонентами, Славоем Жижекком и Джудит Баттлер⁴, а также более десятка статей⁵. Его работы переведены более чем на 10 языков. Кроме того, только на английском языке вышло уже несколько книг⁶ и

Гололобов Иван Валерьевич – PhD in political sciences университета Эссекса (Великобритания).

¹ Его фамилия читается двояко, либо Лаклау – как в английской транскрипции, либо как Лакло – оригинальное французское произношение его фамилии.

² Ernesto Laclau and Chantal Mouffe. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. – London: Verso, 1985.

³ Ernesto Laclau. *New Reflections on the Revolution of Our Time*. – London: Verso, 1990; Ernesto Laclau. *Emancipation(s)*. – London: Verso, 1996.

⁴ Judith Butler, Ernesto Laclau and Slavoy Zizek. *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*. – London: Verso, 1999.

⁵ Ernesto Laclau and Lilian Zac. «Minding the Gap. The Subject of Politics»: The Making of Political Identities. – London: Verso, 1994. – P. 11–39; Ernesto Laclau. Paul de Man and the Politics of Rhetoric. – *Pretexts*. – 1998. – 7 (2). – P. 153–170 etc.

⁶ Ann Marie Smith, Laclau and Mouffe. *The Radical Democratic Imaginary*. – London: Routledge, 1998; Jacob Torfing. *New Theories of Discourse: Laclau, Mouffe and Zizek*. – London: Blackwell, 1999; Simon Critchley and Oliver Marchart (eds.). *Laclau: A critical Reader*. – London: Routledge, 2004.

ряд статей¹, специально посвященных творчеству этого исследователя. Тем не менее, русскому читателю мысль этого ученого представлена в достаточно фрагментарном виде. Переведены лишь несколько статей², практически отсутствует критика³. Видимо, это не способствует освоению отечественной социальной наукой не только Лаклау, но и всего современного постмарксизма⁴.

Данной публикацией мы надеемся, в меру возможностей, восполнить этот пробел. Предлагаемый текст «Субъект политики, политика субъекта» представляет собой главу сборника «Эмансипации», вышедшего в 1996 г. Эта работа, равно как, в общем-то, и все тексты Лаклау, весьма сложна для восприятия. Во многом здесь сказывается достаточно уникальная его биография, содержащая эпизоды, с одной стороны, фундаментального классического философского образования, которое включает в себя, помимо прочего, Оксфорд и круг парижской интеллектуальной богемы «поколения 68-го» (Деррида, Пешо, Балибар, Бадью и т.д.), а с другой – активной политической деятельности. Особенно это касается раннего этапа его карьеры, когда Лаклау принимал участие в аргентинском левом движении. Продуктом такого синтеза стал весьма специфический стиль его работ, не всегда легкий в освоении и приятный для читателя, характеризующийся постоянным чередованием элементов высокого академизма и политического манифеста. Помимо этого, работам Лаклау свойственна чрезвычайная интертекстуальность произведений – постоянные скрытые ссылки на другие тексты, объясняющие те или иные понятия, с которыми работает автор. Основными направлениями распространения этой интертекстуальности в области социальной теории являются: немецкая философия Нового времени, особенно в моменте ее транзита от Гегеля к Марксу; французская школа дискурс-анализа или то, что называется французским пост-структурализмом (помимо перечисленных имен это еще Фуко, Барт, а также их самые видные оппоненты, такие как Хабермас); лингвистика и наука о языке от Соссюра, Остина и Витгинштейна до Скинне-

¹ Mark Anthony Wenman. Laclau or Mouffe? Splitting the Difference // Philosophy and Social Criticism. – 2003. – Vol. 21. – № 5. – P. 581–606;

² Лакло Э. Невозможность общества // Логос. – № 4–5. – 2003. – С. 54–57; Лаклау Э. и Муфф Ш. К радикальной демократической политике: предисловие ко второму изданию «Гегемонии и социалистической стратегии» // <http://www.politizdat.ru/outgoing/15/>

³ Можно указать на всего лишь вышедший локальным тиражом обзор: Гололобов И. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: Введение // Бюллетень: Антропология. Меньшинства. Мультикультурализм. – № 3. – 2003. – С. 129–136. В остальном, как правило, отечественные авторы ссылаются на работы этого автора лишь эпизодически.

⁴ Александр Бренер, Барбара Шурц. Маленькое письмо о большой «левой идее» // Логос. – № 1. – 2001 (см. http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_1/2001_1_11.htm)

ра и Чомского; постмарксизм Грамши и Альтюссера; пост-фрейдизм лакановского толка, развиваемый, помимо собственно Лакана, в трудах Жижека и многих других последователей «новых теорий дискурса». Среди политических составляющих интеллектуальный контекст произведений Лаклау можно выделить: историю международного социалистического и коммунистического движения, особенно во времена 2-го Интернационала и в 60-е гг. XX в.; революцию 1917 г. в России и события, предшествующие ей; перонизм и новейшую историю Южной Америки в целом; современные международные отношения, формирование нового мирового порядка. Честного говоря, без знания всех этих областей понять тексты Лаклау достаточно сложно. Очевидно, что это – достаточно амбициозные требования к читателю, тем более российскому, который если уже и пережил постсоветскую аллергию на историю международного рабочего движения, то вряд ли находится в курсе и Гегеля и Деррида одновременно, а при этом еще имеет представление о том, кто такой Перон и чем занимались шеффилдские шахтеры в начале 1980-х гг.

Однако, на наш взгляд, даже при неполном знакомстве со всем теоретико-практическим копусом его работ, тексты Лаклау могут оказаться весьма интересными для чтения. Прежде всего, стоит отметить, что они, в значительной степени, представляют собой квинтэссенцию современной левой мысли Западной Европы. Именно поэтому многие пассажи, при их насыщенности философскими терминами, лишены ясной аргументации – они являются именно выражением, а не обоснованием позиции определенных интеллектуальных слоев по какому-либо вопросу. И данная позиция, без сомнения, является новой для общественной мысли России, даже при весьма приблизительном отношении всех содержательных аспектов собственно затрагиваемых Лаклау вопросов нашим проблемам сегодняшнего дня.

Тем не менее, мы все же позволим предварить публикуемый текст небольшим комментарием, который, как нам кажется, поможет читателю лучше разобраться в вопросах, поднимаемых автором в публикуемой статье. Статья открывается дискуссией по поводу партикуляризма и универсализма. Лаклау использует эти категории прежде всего в их приближении к проблеме идентичности. Существуют идентичности партикулярные, основанные на принципе «я не такой как другие, я особенный», и универсальные – «мы все равны» (пусть читатель простит мне всю утрированность такого изложения). Партикулярная идентичность – это идентичность в различии, классическим ее примером является сосюрговская «знаковая система», где знак А является самим собой постольку, поскольку он *не* является знаком В, С и т.д. Если мы возьмем шахматы и выкинем фигуру ферзя, поставив на ее место какой-либо посторонний предмет, структура игры не изменится, поскольку функция ферзя как не-короля, не-пешки и т.д. остается в силе, невзирая на замену по-

зитивного и материального ее представителя. В социальной философии этой идее более всего соответствует понятие частного интереса, развиваемого от Аристотеля до современных теоретиков «дикого капитализма». Здесь предполагается, что мои интересы – только мои и ничьи иные, и в этой специфичности заключается моя сущность и моя идентичность. Вторая, универсальная идентичность, в очень многом соответствует андерсоновскому воображаемому сообществу, где каждый его член определяет себя в эквивалентности с другими членами, формирующими, например, «нацию». В лингвистике эта форма обретения значения связывается с лакановским понятием «главного означающего», которым в сосюрсовском примере с шахматами является «игра». Не знай мы, что вся эта ситуация происходит на шахматной доске за игрой, жонглирование материальным представителем отличий оказалось бы не таким простым. Представим себе, что мы, например, не играем, а рисуем шахматы. Тогда замена фигуры ферзя посторонним предметом в корне нарушит происходящий вокруг этого процесс.

Что же происходит в обществе? Основная вопрос, рассматриваемый Лаклау в рамках этой проблемы, – как соотносятся эти две логики идентификации? Его ответом является радикальное отвержение самой возможности существования одной формы идентичности в изоляции от другой. В условиях почти тотального преклонения перед миром различий и частным интересом, наступившим в интеллектуальной среде стран «развитого капитализма» в последние десятилетия, теория Лаклау атакует то, что он сам называет «политикой чистого различия». Открыто в его текстах это не заявлено, но здесь он вступает в полемику с радикальным мультикультурализмом и феминизмом американского образца, программной целью которого является культивирование различий как таковых, а полная культурная дисперсность выступает в качестве идеального общественного порядка. Основной теоретический выпад Лаклау заключается в выражении сомнения по поводу того, к чему нас ведет «политика чистого различия». Он ставит вопрос: если мы культивируем наши этнические/гендерные/культурные/политические и прочие различия – ответьте мне, кто их устанавливает? За ответом автор обращается к Фуко, утверждающему, что их устанавливает власть, которая посредством «называния» контролирует общество, делит его на «нормальных» и «ненормальных», «добропорядочных» и «преступников», «большинства» и «меньшинства». Так чем же тогда является борьба за наши отличия? Его ответ – борьбой, где под маской партикулярных интересов, не осознавая этого, культивируется *сама система* различий, исключения, дискриминации и отчуждения. Я борюсь за права X и не борюсь за права Y, и этим я признаю фундаментальное разделение на X и Y, что допускает складывание между ними определенных отношений, который вполне могут быть неравными. Не в одну, так в другую сторону.

Решение проблемы конкретных, партикулярных угнетаемых не снимает проблему угнетения определенной формы в целом. Такая система будет разрушена, когда будут найдены возможности преодоления идентичностей, ее формирующих. Именно этим поиском и занимается Лаклау.

Здесь, безусловно, будут интересны аналогии с тем, каким образом пытаются решать национальные и этнические проблемы в современной России: какой путь выбирается – защита партикулярных интересов, по сути дела лишь меняющей ракурс порочной ситуации, или трансформация всей системы исключения и дискриминации в целом? Оставим ответ на этот вопрос специалистам в данной области.

Следующей темой, требующей пояснения, служит проблема «полноты общества». Лаклау является, наверное, одним из самых последовательных защитников теории принципиально открытого общества, не в вульгаризированном соросовском, а в фундаментально-научном, пригожинском смысле¹, где социум рассматривается как открытая, незавершенная система. Какую бы организацию мы обществу не задавали, она никогда не может быть установлена полностью. Общество, как природа, умнее нас «мыслящих», оно всегда находит возможность показать разуму его место. Социальная организация, равно как и общество в целом, является ничем иным, как лакановским «невозможным, но необходимым объектом». Невозможным, поскольку мы никогда не сможем построить то общество, какое задумывали, а необходимым, потому что без этого строительства вообще никакое общество невозможно. Люди объединяются в общество в процессе строительства оно и борьбы за него, которое, таким образом, становится проектом, и вся его материальность формируется именно в этом темпорально расположенном пространстве движения к идеалу – постоянно ускользающему воплощению его идеи в реальность.

Радикальный мультикультурализм и феминизм в условиях «невозможности общества» оказываются не такими уж безнадежными. Даже если мы захотим, мы никогда не сможем полностью зафиксировать наши партикулярные идентичности, наше Я в различии. Что же нам остается в такой ситуации? И за ответом на этот вопрос мы направляем читателя к предлагаемому тексту.

Остановимся лишь еще на одном моменте, мимо которого нельзя пройти. Несмотря на то, что предлагаемая работа озаглавлена «Субъект политики, политика субъекта» – собственно тема политической субъективности напрямую оказывается практически не затронутой. Термин «субъект» вообще не встречается в тексте, а «политика», хоть и фигурирует, но остается в стороне от основной линии рассуждения. Это можно рассматривать как парадокс, но

¹ Илья Пригожин и Изабель Стенгерс. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986.

действительно, очень многие тексты Лаклау имеют весьма туманную формальную связь со своими заглавиями. Так, например, представленный текст можно смело озаглавить как «Универсализм, партикуляризм и вопрос идентичности», или «Власть и репрезентация» – названия других статей из того же сборника. Однако эту странность не следует воспринимать как небрежность автора или ошибку издателя, перепутавшего тексты и заголовки. Весь интеллектуальный проект Лаклау чрезвычайно целостен и аналитически гармоничен. Концепты и понятия находятся в такой тесной взаимосвязи друг с другом, что порой оказывается крайне сложно, говоря о субъекте, не затрагивать, например, проблему соотношения универсального и партикулярного, а говоря о власти – вопрос открытости социальной структуры. Поэтому, как ни кощунственно это может звучать, собственно заголовок его работы (что, в общем-то, можно сказать и о его других текстах) – это имя, данное политико-философской конструкции определенного периода развития его интеллектуального проекта. Имя, которое становится значимым только после того, как появляется возможность узнать то, что оно обозначает. А узнать, что скрывается под этим именем, так же интересно, как и сложно.

Тексты Лаклау построены нелинейно. Иногда понятия и теоретические конструкции, вводимые в начале, объясняются и подкрепляются какими-либо примерами позже, что, безусловно, создает некоторые трудности при чтении его произведений. Поэтому позволю дать читателю совет не задерживать внимание на моментах, где понимание того, о чем идет речь, оказывается решительно невозможным. Это отнюдь не означает, что все, о чем будет говориться в дальнейшем, будет таким же неясным. Скорее напротив, это создает некую коллизию, прояснение которой и обнаружится в последующем изложении. Что, тем не менее, артикулирует одно свойство текстов Лаклау, без понимания которого понять сами его идеи будет затруднительно – с его текстами надо работать, это тексты, которые могут читаться несколько раз, в разном направлении и с разным ритмом. Видимо, это свойство и придает им силу, которую они имеют сегодня на горизонте современной социальной и политической мысли.